

Для цитирования: Филатов, И. К.
Интонация и образ как основа
понимания другого человека:
феноменологический анализ опыта общения /
И. К. Филатов // Социум и власть. — 2023. —
№ 3 (97). — С. 40—51. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-40-51. —
EDN PSOTNM

УДК 140.8

EDN PSOTNM

DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-40-51

ИНТОНАЦИЯ И ОБРАЗ КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ОБЩЕНИЯ

Филатов Илья Константинович,
Челябинское региональное отделение
Российского союза писателей,
писатель,
Челябинск, Россия.
E-mail: iliyafilatov3@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме понимания другого человека. В первую очередь рассматривается понимание на основе внешних признаков. При этом во внешности человека выделяется две группы признаков — *конститутивные*, или *статические*, и *экспрессивные*, или *динамические*. Вводится понятие *моментального образа* личности. Затем исследуется понимание другого через его речь. При этом все высказывания делятся на *самораскрывающие*

и *предметно-ориентированные*. Обосновывается положение о ведущей роли интонации в раскрытии внутреннего мира. Обнаруживается идентичность её роли в создании речевого образа собеседника и роли внешних экспрессивных признаков в создании зрительного образа. На основании этого вводится понятие *телесной интонации*. Затем рассматривается понимание другого через его поступки и вводится понятие *интонации поступка*.

В заключение вводится понятие *интонационного лица* как единого образа другой личности, возникающего в нашем сознании в результате суперпозиции отдельных моментальных образов. Также вводится понятие *структуры чувствительности*. Подчёркивается, что интонационное лицо является не «объективным», а диалогическим феноменом, представляя собой результат взаимодействия структуры чувствительности воспринимаемого человека (проявляющейся в его внешности, речи и поступках) со структурой чувствительности воспринимающего.

Ключевые слова:

феноменология,
диалог,
другой,
моментальный образ,
телесная интонация,
интонация поступка,
структура чувствительности,
интонационное лицо

Введение

Тема диалога оказалась в поле зрения философии сравнительно недавно — по сути, лишь в первой четверти прошлого века, когда вышли основополагающие труды М. Бубера («Я и Ты», «Диалог»), Г. Марселя («Метафизический дневник»), когда написал свои первые (оставшиеся тогда неопубликованными) работы М. М. Бахтин. Конечно, как культурный феномен диалог присутствует в философии ещё со времён Платона, написавшего почти все свои произведения именно в диалогической форме. Однако до двадцатого века не существовало стройной теории этого явления. Упомянутые же мыслители создали оригинальные концепции, давшие толчок бурному развитию исследований по диалогической проблематике. М. Бубер пишет об основополагающей роли открытости человека другому человеку: «Фундаментальным фактом человеческой экзистенции является “человек с человеком”. Если что и составляет характерную особенность человеческого мира, то это прежде всего нечто, возникающее здесь между существом и существом, подобного чему нельзя найти нигде в природе. Язык служит для этой искомой величины лишь знаком и средством общения; им возбуждается всякая духовная деятельность. Она (эта искомая величина) делает человека человеком, но на пути своем не только расцветает, но, случается, хиреет и гибнет. Она коренится в том, что существо мыслит другое как другое, как именно это, определенное, иное существо, чтобы соединиться с ним в сфере, простирающейся за пределы их собственных сфер» [4, с. 230]. Бубер называет эту сферу, которая основана на сосуществовании человека с человеком, но которая концептуально всё ещё недостаточно прояснена, сферой «между». Данная статья посвящена исследованию одной из важнейших проблем, относящихся к этой сфере — проблеме понимания другого человека и формирования его образа.

В своем исследовании мы будем придерживаться двух главных постулатов феноменологии [5]. Первый — систематическое и радикальное «эпохэ» всякой объективирующей позиции в переживании, как в отношении рассмотрения отдельных феноменов, так и в отношении целостной структуры душевной жизни. Второй — максимально полная фиксация, постижение и описание тех многообразных «явлений», которые уже не суть «объекты», но «единицы смысла». Таким образом, наше феноменологическое ис-

следование имеет два направления: ноэтическое, или описание акта переживания, и ноэматическое, или описание «того, что пережито». Вслед за Э. Гуссерлем мы считаем, что феноменологический опыт практически не имеет границ. Он может быть распространён из сферы своего собственного опыта на опыт других Я. Общность может быть редуцирована не только к интенциональным полям индивидуального сознания, но также посредством intersубъективной редукции к тому, что их объединяет, а именно феноменологическому единству жизни общности. Расширенное таким образом психологическое понятие внутреннего опыта достигает своей полноты.

Итак, общаясь с другими людьми, мы не только видим их и слышим их голоса, но и в какой-то мере ощущаем их внутреннее («душевное») состояние в данный момент. Ощущаем мы его, однако, не так, как своё собственное, причём отличие здесь не количественное, а качественное. Чужое состояние мы воспринимаем не слабее, чем своё, а принципиально иначе: если своё мы переживаем непосредственно, изнутри, то чужое дано нам со стороны и опосредованно — через его проявление во внешности, речи и поступках собеседника. Таким образом, именно внешность, речь и поступки других становятся для нас «окнами» в их душу. Фактически мы, разумеется, воспринимаем эти три составляющие в их единстве, но для удобства сначала рассмотрим поочередно роль каждой из них в понимании другого человека.

Внешность другого: понимание через образ

Первое, на что мы обращаем внимание при встрече с человеком — это его внешность. Что же мы воспринимаем во внешности других людей? Во-первых, конечно, физико-анатомические характеристики — пол, рост, примерный возраст, общий тип телосложения, цвет кожи, глаз и волос, черты лица и т. д. Очевидно, что все эти признаки сами по себе ничего не говорят о внутреннем состоянии другого человека. Мужчины и женщины, молодые и пожилые, полные и худощавые в равной мере могут радоваться и горевать, испытывать нежность и гнев, тревожиться и пребывать в покое. Назовём такие признаки *конститутивными*, или *статическими*.

Во-вторых, мы видим взгляд собеседника, его мимику, жесты, позу, походку — то, что уже выходит за рамки чистой

телесности, ибо позволяет в той или иной мере ощутить душевное состояние другого. Как писал М. Шелер, «если кто-то настроен ко мне дружелюбно или враждебно, я мгновенно схватываю это в выразительном единстве “взгляда” ещё до того, как запоминую его “глаза”, скажем, их цвет или величину» [9, с. 224].

Взгляд может быть ласковым, печальным, озорным, сердитым, ободряющим — всех оттенков не перечислить. Улыбка может быть мечтательной, дружелюбной, иронической, дерзкой, беззаботной — и здесь можно перебирать эпитеты до бесконечности. То же касается позы, походки, жестикуляции — все эти элементы внешности способны выразить то, что человек чувствует в данный момент, и быть описаны соответствующими определениями. Назовём такие внешние признаки *экспрессивными*, или *динамическими*. Именно они и станут предметом нашего дальнейшего исследования.

Впрочем, сначала необходимо внести одно важное уточнение. Разумеется, экспрессивные признаки не могут существовать без конститутивных. Невозможны взгляд без глаз, улыбка без губ, поза без тела. Поэтому статические признаки, хотя и не могут сами выразить состояние своего обладателя, вносят тем не менее свой вклад в наше восприятие этого состояния, будучи фундаментом для элементов динамических. Одно и то же настроение, отразившееся на двух разных лицах, будет выглядеть по-разному. Улыбка, играющая на тонких губах, будет чуть иной, чем выражающая то же самое душевное движение улыбка губ чувственных. И даже такой нейтральный, казалось бы, признак, как цвет глаз, накладывает свой отпечаток на восприятие (взгляд тёмных глаз может показаться более мрачным, чем выражающий то же чувство взгляд глаз светлых). Поэтому, хотя дальше речь пойдёт только об экспрессивных составляющих человеческой внешности, мы всё время будем иметь в виду, что «материалом» для них являются признаки конститутивные.

Сделав это необходимое пояснение, перейдём непосредственно к тому, как по внешним экспрессивным признакам мы понимаем внутреннее состояние других людей. Допустим, мы определили взгляд собеседника как «весёлый». Зададимся, однако, вопросом: когда мы дали ему такое определение? Представляется, что подобную операцию гораздо проще осуществить *post factum*, вспоминая уже ушедшую в прошлое встречу. В процессе же непосредственного живого общения нам обычно просто не до

этого — мы полностью поглощены беседой, и наши мысли заняты обдумыванием слов собеседника и собственных ответов на них. Но значит ли это, что душевное состояние другого (в той мере, в которой оно отразилось в его взгляде, выражении лица и т. д.) прошло мимо нашего внимания? Конечно, нет! Оно было воспринято и, возможно, даже подействовало на нас. Каждый, наверное, может вспомнить случаи, когда он испытывал неуверенность в разговоре, но взгляд собеседника помогал найти верные слова. Или, наоборот, во время обсуждения заманчивого предложения что-то в потенциальном деловом партнёрестораживало (и даже сложно было понять, что именно), в результате чего предложение отклонялось, несмотря на все свои кажущиеся выгоды. Такие случаи убедительно доказывают, что внутреннее состояние другого человека воспринимается ещё до того, как мы поймём его и найдём слова, чтобы его назвать.

Ласковый взгляд ласкает сразу, а не после того, как мы назвали его ласковым. Печальное выражение лица вызывает сочувствие само по себе, а не потому, что мы подобрали ему такой эпитет. Угрожающий жест вызывает мгновенную защитную реакцию, а не попытку дать ему определение. Всё это кажется вполне очевидным, но мы не можем в полной мере удовлетвориться такой очевидностью, ибо наше мышление осуществляется на языке понятий. Поэтому мы испытываем потребность отмечать в облике окружающих отдельные черты и находить им более или менее подходящие определения. Рассмотрим на конкретном примере процесс поиска таких понятийных определений.

Допустим, вспоминая дружескую беседу со своей давней знакомой, добившейся незадолго до этого большого профессионального успеха, я поначалу назвал её взглядом дружелюбным, улыбку — весёлой, лицо — сияющим. Впоследствии, поскольку этот разговор доставил мне много приятных эмоций, я неоднократно мысленно возвращался к нему, каждый раз открывая в облике собеседницы (и, следовательно, в её душевном состоянии) всё новые грани. Например, во взгляде, при всём его дружелюбии, я уловил лёгкий вызов («смотри, чего я добились — а ты так сможешь?»). Улыбка показалась мне уже не просто весёлой, а озорной и немного лукавой, а в выражении лица я обнаружил толику самолюбования, добренного насмешкой над ним («ну вот, только чего-то достигла — и сразу голову задираю, зазнайка эдакая») и ободряющим посылом в

мой адрес. Но ведь в первый миг я воспринял и взгляд, и улыбку, и выражение лица своей знакомой в их простой чувственной данности. При этом я, безусловно, заметил качественное своеобразие как всего облика собеседницы в тот момент, так и его отдельных составляющих — то самое своеобразие, которому я впоследствии пытался подобрать определения, называя взгляд «дружелюбным», улыбку — «весёлой» или «озорной», и т. д. Но во время самой беседы своеобразие это ещё не нашло своего понятийного оформления, оставаясь на уровне ощущений. И в этих ощущениях уже были даны и дружелюбие взгляда, и содержащийся в нём лёгкий вызов, и весёлость улыбки, и её лукавство, и озорство, и угадывавшееся в выражении лица самолюбование, и насмешка над ним, и ещё многое, чему я так и не смог найти определения. Вернее сказать, мне был дан целостный облик собеседницы, и в нём — само её душевное состояние в тот момент, состояние, в котором все обнаруженные при последующей рефлексии составляющие находились в единстве, как все цвета содержатся в белом солнечном свете. М. Мерло-Понти так пишет об этом присутствии внутреннего во внешнем: «Гнев, стыд, ненависть, любовь не являются психическими фактами, скрытыми в интимных глубинах другого, они представляют собой типы поведения или стили жизни, видимые извне. Они находятся на этом лице или в этих жестах, а не спрятаны за ними» [8].

Назовём такой чувственно воспринимаемый облик, отражающий душевное состояние человека в конкретный момент, *моментальным образом личности*. Под моментом здесь понимается не какой-то строго определённый временной отрезок — минута, секунда или доля секунды — а время, в протяжении которого образ другого воспринимается как относительно неизменный. Конечно, формально говоря, выражение лица собеседника, его поза и другие динамические внешние признаки меняются ежесекундно, но в большинстве случаев эти изменения минимальны и не улавливаются нашим сознанием, поэтому тот или иной моментальный образ может существовать довольно долго. Смена моментального образа произойдёт лишь тогда, когда мы отметим в облике другого изменения, которые окажутся достаточно существенными, чтобы изменилось и наше впечатление от него.

Эти выводы подтверждаются исследователями, специально изучавшими язык тела. Вот что пишет, например, В. Биркенбил: «Информация об облике человека поступает

к нам через органы зрения, слуха, осязания, и т. д. Но мы редко выделяем какой-либо один фрагмент информации, если только он не выходит за рамки привычного (“сегодня у него какое-то вялое рукопожатие”), обычно мы воспринимаем человека “в целом”, как бы мгновенно “складывая” разрозненные детали в общий образ. Мы говорим о том, что у нас возникает впечатление об этом человеке» [3, с. 9]. Можно отметить, что такая целостность присуща не только образам людей, но и образам как таковым: «Образы интегрированы, в том смысле что их целостность предшествует отдельным чертам, общение предшествует выражающим его знакам» [6, с. 403].

Однако, как было сказано выше, мы воспринимаем окружающих не только визуально. Поэтому теперь, прежде чем перейти к исследованию роли моментальных образов в понимании нами других людей, необходимо получить полное представление о том, что входит в понятие моментального образа. Для этого нужно обратиться к двум другим способам выражения человеком своего внутреннего мира — речи и поступкам.

Речь другого: понимание через интонацию

Очевидно, что речь как средство самовыражения обладает одним несомненным преимуществом. В отличие от случая, когда мы пытались понять душевное состояние другого по его внешности, здесь другой сам может рассказать о том, что он испытывает. И действительно, мы нередко говорим, к примеру, «я рад», «мне одиноко», «я беспокоюсь за тебя», и т. д. Назовём такие высказывания *самораскрывающими*. Но насколько помогали бы нам понять друг друга подобные высказывания, если бы мы принимали во внимание лишь их содержательную, информационную сторону, и упускали бы из виду их эмоциональную окраску? Чтобы ответить на этот вопрос, представим себе ситуацию, когда подобные фразы произносятся без выражения, голосом, похожим на голос автоответчика. Поверим ли мы собеседнику? Далеко не всегда. Но даже в том случае, если у нас нет причин сомневаться в искренности говорящего, мы в лучшем случае только *узнаем* о его настроении в данный момент, но не сможем *ощутить* его.

Совсем другим будет эффект от таких высказываний, если их содержание будет подкреплено соответствующей интонацией. В этом случае мы не просто узнаем о душевном состоянии другого, но и чувственно

воспримем его. Разумеется, это не значит, что мы испытаем состояние, переживаемое собеседником, как своё. Но мы испытываем другое состояние, наше собственное, в котором, однако, состояние другого будет присутствовать именно как его состояние, подобно тому, как мы ощущаем руку другого при рукопожатии — но именно как *его* руку. Назовём такое состояние, в котором мы воспринимаем состояние другого как другого, *внутренним откликом*. Конкретные же разновидности внутреннего отклика давно уже получили свои названия в нашем языке — в основном для их обозначения используются слова с приставкой «со»: сочувствие, сострадание, сопереживание и т. д.

Очевидно, что внутренний отклик — гораздо более глубокая степень проникновения в мир другого, чем простое знание о его чувствах и настроениях. Именно внутренний отклик становится зародышем сочувственного понимания, которое, по М. М. Бахтину, «воссоздаёт всего внутреннего человека в эстетически милующих категориях для нового бытия в новом плане мира» [1, с. 178]. Отсюда следует, что ведущей в таком понимании является не содержательная, а интонационная сторона речи. Известный российский лингвист Г. Е. Крейдлин так пишет об этом в книге «Невербальная семиотика»: «Слово *тон* относится к единицам, которые позволяют заглянуть — через них — в обуславливающий их душевный мир человека» [7, с. 255].

Это станет ещё более понятным, если мы от рассмотрения самораскрывающих высказываний перейдём к ситуации разговора на другие темы, от сугубо бытовых до абстрактно-теоретических. Назовём такие высказывания *предметно-ориентированными*. В этом случае мы вообще не сможем судить о душевном состоянии другого по тому, что он говорит — ведь его высказывания будут посвящены предмету беседы, а не своим переживаниям. Зато интонации и здесь дадут нам богатый материал — ведь как при обсуждении, к примеру, бюджета семьи или организации, воспитания детей или планов на будущее, так и во время беседы о проблемах общества или нерешённых вопросах квантовой физики собеседники могут использовать всю палитру интонаций — от самых доброжелательных и спокойных до гневных и раздражённых. Таким образом, в случае предметно-ориентированного разговора интонация тем более становится основным способом восприятия чужого состояния. Впрочем, некоторую помощь в этом может оказать стилистика речи, в осо-

бенности использование участниками беседы экспрессивных выражений, но и такие выражения становятся в полной мере экспрессивными лишь благодаря интонации, с которой произносятся.

Конечно, бывают (и нередко) и такие разговоры, во время которых собеседники свободно переходят от самораскрывающих высказываний к предметно-ориентированным и обратно, но сути дела это не меняет, тем более что, как уже сказано, интонация играет ведущую роль в обоих случаях благодаря тому, что не просто сообщает о душевном состоянии участников беседы, но и чувственно раскрывает его.

Но у интонации есть и другое преимущество перед информационной стороной речи. Дело в том, что любое самораскрывающее высказывание способно лишь приблизительно описать испытываемое человеком переживание, назвав его радостью, тоской, страхом и т. д., пусть даже с добавлением уточняющих эпитетов. В действительности же у любой эмоции существует множество различных оттенков. Передать их на языке понятий невозможно, так как понятия по самой своей природе предназначены фиксировать общее, а наши переживания предельно конкретны и вследствие этого не поддаются стандартизации. Каждое из них можно уподобить сложной кривой, которую наше мышление пытается аппроксимировать ломаной линией, состоящей из прямых отрезков — понятий. Разумеется, результат такой операции может оказаться более или менее приемлемым, но он никогда не совпадёт с реальностью в полной мере.

Интонация же является непосредственным отзвуком испытываемого человеком состояния, его, образно говоря, «голосовым отпечатком» или «эхом». Поэтому она запечатлевает не просто то или иное чувство или телесное ощущение, но именно целостное состояние человека в конкретный момент — точно так же, как и взгляд, выражение лица и другие экспрессивные внешние признаки.

Выше мы назвали внешний облик человека, отражающий его душевное состояние в конкретный момент, моментальным образом. Поэтому интонация, поскольку она также способна выразить это состояние, тем самым является *речевым моментальным образом*. Таким образом, при восприятии душевного состояния собеседника через его речь интонация играет ту же самую роль, какую экспрессивные элементы внешности играют при визуальном восприятии этого состояния — роль чувственно данного носи-

теля, отражающего психические процессы. Основываясь на этой идентичности ролей, мы можем теперь назвать взгляд, мимику, позу и другие динамические внешние признаки *телесными интонациями*.

Конечно, следствием всего вышесказанного становится невозможность дать интонации словесное определение — в точности так же, как нельзя его дать вызвавшему эту интонацию переживанию. Казалось бы, здесь нам снова остаётся довольствоваться приблизительными, аппроксимирующими понятиями, как и при описании собственных эмоций и настроений. Но на самом деле это совершенно не обязательно. Мы можем просто отдаться переживанию чужой интонации и того, что в ней открывается, войдя в состояние внутреннего отклика и не пытаясь искать подходящие эпитеты. Когда общение по-настоящему захватывает его участников, именно так, собственно, и происходит. Рефлексия же над интонацией собеседника, если и осуществляется, то уже позже, при воспоминании о прошедшей встрече (опять-таки точно так же, как и при анализе чужого душевного состояния по внешности).

Таким образом, мы можем сказать, что постижение душевного состояния другого человека через его внешность и через его речь осуществляется одним и тем же способом. В обоих случаях чужое состояние сначала воспринимается чувственно, через интонацию (телесную в первом случае, речевую во втором), и откладывается в нашей памяти в виде моментального образа, а затем наш разум анализирует воспринятое и подбирает слова, наиболее подходящие для его описания, переводя ощущения на язык понятий.

Поступки другого: понимание через действия

Обратимся теперь к третьему способу понимания другого человека и рассмотрим, как мы воспринимаем душевное состояние окружающих через совершаемые ими действия.

Первое, что здесь необходимо отметить: поступки других людей мы можем воспринимать не только тогда, когда являемся непосредственными свидетелями происшедшего, но и тогда, когда чужой поступок становится известен нам в чьём-либо рассказе. И это существенно расширяет наши возможности понять других. Ведь даже наши близкие большинство своих поступков совершают в наше отсутствие, и, если бы мы

не могли о них узнать, наше представление об окружающих было бы гораздо беднее. Образы же деятелей прошлого складываются у нас исключительно на основании летописей, воспоминаний современников, исторических трудов, художественных произведений и т. д. — ведь все их поступки были совершены ещё до нашего рождения. Это, кстати, не обязательно ведёт к некоей ущербности понимания. Как писал В. В. Библихин, «другой присутствует для меня вдали иногда интенсивнее, чем рядом. Чтобы уйти от чужого присутствия, обычно мало заслониться стеной» [2, с. 25].

С учётом этого можно с уверенностью сказать, что пересказ свидетелями является основным способом восприятия чужих поступков. Кроме того, в том случае, когда поступок происходит на наших глазах, мы воспринимаем не только его, но и внешность и речь того, кто этот поступок совершил. Однако механизм понимания других людей по их внешности и речи в общих чертах уже рассмотрен нами выше. Сейчас же нас интересует проникновение во внутренний мир другого через поступок как таковой, вне связи с иными факторами. Поэтому рассмотрим именно ситуацию, когда мы узнаём о чьём-либо поступке от третьих лиц.

Допустим, мне стало известно, что мой старый товарищ снова (далеко не в первый раз) попросил прощения у любимой женщины, с которой поссорился несколько месяцев назад. Узнав об этом, я испытал сочувствие, смешанное с уважением и раздражением. Впоследствии я понял, почему ощутил столь различные эмоции. Сочувствие было вызвано тем, что я, даже не присутствуя при их беседе, испытал глубину тоски, заставившей моего знакомого пойти на тяжёлый и почти наверняка безнадежный разговор. Уважение мой товарищ заслужил своей готовностью признать свою ошибку и желанием исправить её. Раздражение же было вызвано его упрямым непониманием бессмысленности своего поведения и, пожалуй, даже проявляющимся в нём недостатком чувства собственного достоинства.

Однако моя реакция, включавшая сочувствие, уважение и раздражение, была мгновенной. Я испытал все эти эмоции сразу же, как только узнал о случившемся. Иными словами, поступок моего знакомого вызвал у меня отклик — точно так же, как вызывают отклик слова собеседника или выражение его лица. Что же вызвало этот отклик, если поступок товарища ещё не был мной обдуман? Ведь моя реакция относилась именно к душевному состоянию знакомого —

следовательно, испытать её можно было, лишь поняв его. Очевидно, остаётся только одна возможность: я понял это состояние ещё до рефлексии над ним, в тот самый момент, когда узнал о поступке своего знакомого. Но это означает, что душевное состояние человека, совершающего тот или иной поступок, имплицитно содержится уже в самом факте поступка, и может быть воспринято непосредственно, внерефлексивно. Иными словами, мы и в этом случае видим ту же картину, что и при постижении чужого состояния через восприятие внешности и речи: сначала внутреннее состояние другого ощущается нами в его неповторимой конкретности, целостно, а затем подвергается анализу, позволяющему описать его на языке понятий. Назовём эту целостную конкретность выразившегося в поступке душевного состояния, существующую до рефлексии над ней, *интонацией поступка*.

Впечатление, произведённое на нас чьим-либо поступком, остаётся в нашей памяти точно так же, как и впечатление от чьей-либо внешности или фразы — и так же, как и последнее, становится моментальным образом, причём независимо от того, были мы свидетелями поступка или нет. Просто в том случае, если поступок был совершён в нашем присутствии, моментальный образ того, кто его совершил, соединит в себе все три составляющих — внешность, речь, и, разумеется, сам поступок.

Индивидуальность восприятия другого: структура чувствительности

Таким образом, мы приходим к выводу, что восприятие других людей всеми тремя способами — через внешность, речь и поступки — осуществляется с помощью возникающих у нас моментальных образов. Правда, до сих пор мы рассматривали внешность, речь и поступки по отдельности. Теперь же можно сказать, что моментальный образ существует в единстве этих трёх составляющих. При этом все три сохраняют относительную независимость, поэтому возможны моментальные образы, включающие лишь один или два компонента. Например, во время разговора по телефону может сформироваться как чисто речевой образ собеседника, так и поступочно-речевой (если разговор идёт о важных вещах — допустим, собеседник обещает свою помощь, что, безусловно, является поступком).

При этом необходимо ещё раз подчеркнуть то, что уже говорилось выше: моментальный образ возникает сразу, в тот самый

миг, когда мы воспринимаем внешность, речь, поступки другого или всё это в совокупности, и, следовательно, до перевода нашего впечатления на язык понятий. Впоследствии он может быть подвергнут рефлексии, но её результат будет уже не самим моментальным образом, а его интерпретацией. Такая интерпретация может оказаться ошибочной: «Тысячи наблюдений, что сжатые губы действительно означают “закрытость-себя-от-мира”, могут оказаться неверными для того конкретного человека, на сжатые губы которого вы завтра или послезавтра обратите внимание» [3, с. 10]. Однако сам образ, будучи чувственным феноменом, а не логическим утверждением, вследствие этого не является ни истинным, ни ложным. Тем самым он становится как бы «внесмысловым» (в значении, близком к тому, какое придаёт этому термину М. М. Бахтин) и может быть основой для оправдания другого человека — своего носителя, а через него — и всего мира: «Вокруг другого, как его мир, наличность бытия находится внесмысловое утверждение и положительное завершение» [1, с. 202].

Но каждый человек воспринимает мир (и, в частности, окружающих его людей) по-своему. Отсюда следует, что моментальный образ любого человека определяется не только его внешностью, речью и поступками, но и индивидуальными особенностями того, в чьём сознании возник этот образ. Поэтому другой понимается нами не «объективно», а в соотношении с присущей нам, образно говоря, «формой взгляда». М. Шелер так выражает эту мысль, когда пишет о чужом Я: «это индивидуальное Я, которое присутствует в любом душевном переживании, мы никогда не можем вполне адекватно постичь, а можем постичь только данный нам, обусловленный нашим личностным пониманием его аспект» [10, с. 309]. Здесь можно лишь добавить, что упомянутое Шелером личностное понимание во многом определяется ощущением. Человек, болезненно воспринимающий насилие, несомненно, будет понимать того, кто склонен решать проблемы с помощью грубой силы, как представляющего угрозу. Любящий поэзию поймёт того, кто вдохновенно читает стихи, как единомышленника. Тот, кто не обладает чувством юмора, не сможет верно понять собеседника, склонного к иронии, и т. д. Выражаясь обобщённо, кто-то более чувствителен к одним сторонам жизни, кто-то — к другим. Вследствие этого спектр ощущений, возникающих под воздействием явлений окружающей действительности

ти, для каждого конкретного человека будет своим, неповторимым и характеризующим лишь его одного.

Назовём такой спектр *структурой чувствительности* данной личности. Вероятно, нечто подобное имел в виду М. Мерло-Понти, когда писал: «Мы узнаём некую общую структуру человека за голосом, лицом, жестом или походкой, каждый человек является для нас ничем иным, как этой структурой или этим способом бытия в мире» [8].

Структура чувствительности не остаётся постоянной на протяжении всей жизни. Внешние воздействия меняют её — например, длительное преобладание приятных, позитивных воздействий над негативными («белая полоса») может привести к тому, что называется «изнеженностью» — неприятности станут восприниматься болезненнее, чем до наступления благополучного периода. Но при всех своих изменениях структура чувствительности остаётся уникальной, присущей только этой конкретной личности — точно так же, как уникальны отпечатки пальцев. В результате впечатление, произведённое одним и тем же человеком в один и тот же момент на двух собеседников, обладающих заведомо разными структурами чувствительности, также будет различным и породит два разных моментальных образа. Назовём такие возникающие в результате взаимодействия двух или более участников феномены *диалогическими*.

Объединение моментальных образов в интонационное лицо

Однако совершенно очевидно, что моментальные образы сами по себе не могут дать нам целостного представления об окружающих. Ведь каждый из них запечатлевает лишь одно из многих состояний человека, которого мы хотим понять. Вследствие этого каждый отличается от других, и порой существенно. При этом прежние образы не уходят в небытие, а остаются в памяти, новые же не вытесняют, а дополняют предыдущие. Если общение продолжается достаточно долго, у каждого из участвующих в нём возникает в итоге множество моментальных образов других его участников. Иногда эти образы плохо согласуются между собой. Тогда человек предстаёт перед нами оборотнем-Протеем, не имеющим определённого облика и потому непонятным, ненадёжным и способным измениться в любую минуту. В этом случае общение оказывается затруднено, и в конце концов может прекратиться.

Но чаще всего рано или поздно из множества разных моментальных образов у нас складывается единый поливариантный, но при этом внутренне согласованный образ интересующего нас человека. Причём, поскольку моментальный образ — это не просто внешний, речевой или поведенческий облик, но, как уже сказано выше, облик, отражающий душевное состояние, то и единый образ другого человека будет совокупностью не только его внешних черт, речи и поступков, но и открывшихся в них психологических состояний в разные моменты — иными словами, образом не только тела, но и души, а значит, всей личности в целом. Однако, в отличие от моментального, единый образ представляет нам личность другого в её изменчивости на протяжении более или менее значительного временного отрезка, и тем самым гораздо более полно и многогранно.

Но чем обусловлено это единство, если составляющие его отдельные моментальные образы различны? Думается, оно возникает лишь в том случае, если во всех моментальных образах того или иного человека присутствует нечто общее. Мы воспринимаем это общее в каждом моментальном образе данного человека, благодаря чему у нас и образуется представление о его целостной личности. Мы начинаем замечать, что взгляд нашего знакомого не просто весел, печален или задумчив, но весел, печален или задумчив на особый, только ему присущий лад, и то же самое можно сказать о его мимике, позе, жестах и других телесных интонациях. Точно так же и в его речевых интонациях мы начинаем улавливать не просто гнев, нежность или иронию, но именно его гнев, нежность или иронию, непохожие на те же, казалось бы, эмоции в речи других людей. И, наконец, в его поступках мы тоже ощущаем некую только ему присущую интонацию. Таким образом, можно сказать, что единство, в которое складываются моментальные образы, есть интонационное единство. Поэтому назовём складывающийся из отдельных моментальных образов единый поливариантный чувственный образ конкретного другого *интонационным лицом*.

Впрочем, глагол «складываются» не вполне удачен. Интонационное лицо не является простой суммой моментальных образов. Скорее здесь нужно говорить об их суперпозиции. Также можно уподобить интонационное лицо музыкальному произведению, «нотами» которого будут моментальные образы. Разумеется, вклад отдельных моментальных образов может существенно

различаться. Некоторые будут более яркими, более характерными для данной личности, и потому в большей мере определяющими её интонационное лицо. Точно так же и в обычном музыкальном произведении есть ноты, являющиеся определяющими для тональности, в которой оно написано — тоника, субдоминанта и доминанта, называемые в музыкальной теории основными (фундаментальными) тональными функциями. Поэтому, продолжая музыкальную аналогию, назовём моментальные образы, вносящие наиболее существенный вклад в интонационное лицо, *доминантными*.

Формирующееся на основе моментальных образов интонационное лицо другого человека ещё более детерминировано нами — ведь здесь, помимо восприятия, происходит отбор образов и их ранжирование по значимости. И то, и другое происходит по большей части бессознательно и также является проявлением присущей наблюдателю структуры чувствительности. Например, если кто-то из моих знакомых регулярно использует ненормативную лексику, а я реагирую на неё болезненно, то именно его брань невольно станет для меня одним из доминантных (и при этом крайне неприятных) его моментальных образов, в результате чего у меня сформируется негативное интонационное лицо этого знакомого (во всяком случае, более негативное, чем у того, кто относится к общенной лексике спокойно). Поэтому можно сказать, что *интонационное лицо есть проекция проявляющейся во внешности, речи и поступках структуры чувствительности воспринимаемого человека на структуру чувствительности воспринимающего*. Таким образом, интонационное лицо, как и моментальный образ, является диалогическим феноменом.

И здесь можно снова обратиться к наследию М. М. Бахтина. В работе, которая сейчас известна под названием «Автор и герой в эстетической деятельности», проводится весьма необычное понимание различия между душой и духом: «Внутреннюю жизнь другого я переживаю как душу, в себе самом я живу в духе. Душа — это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же — совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от я)» [1, с. 184]. Кажется, что здесь наличие явная тавтология («Душа — это образ... всего наличного в душе»). Однако это не совсем так. Дело в том, что под «душой» в первом и во втором случае имеется в виду не одно и то

же. Во втором случае «душа» — это нечто вполне традиционное — «сознание», «психика» или «внутренний мир» (в данном контексте эти понятия взаимозаменяемы). Но в первом случае «душой» назван «образ», причём, как следует из предыдущего предложения («Внутреннюю жизнь другого я переживаю как душу...»), это *образ внутренней жизни другого*. В следующем же предложении Бахтин называет душу «внутренним ликом»: «с точки зрения переживания мною другого — становится убедительным постулат бессмертия души, т. е. внутренней определенности другого, внутреннего лика его...» [1, с. 184]. Представляется, что такое понимание души очень близко подходит к тому, что в данной статье названо «интонационным лицом».

Заключение

Но формированием в нашем сознании интонационного лица другого человека процесс понимания его внутреннего мира не заканчивается. Если отдельные моментальные образы лишь иногда анализируются нами с целью дать им более или менее адекватные определения, то целостный образ значимого другого подвергается такому анализу практически всегда. В результате мы приходим к представлению о характере этого человека как наборе присущих ему душевных качеств. Разумеется, это будет именно *наше* представление о нём, не во всём совпадающее с мнением других знающих его людей. Причём если в некоторых случаях расхождение оценок будет незначительным, то в других — существенным. Таким образом, характер, точно так же, как и интонационное лицо, является не объективным, а диалогическим феноменом. Более того, степень влияния наблюдателя здесь даже выше, поскольку на особенности восприятия накладываются особенности мышления, которое также не является объективным. Само по себе это совершенно естественно, так как человеческое бытие диалогично по своей сути. Однако существует тенденция понимать характер как объективно присущий личности, причём, как показывает практика, зачастую это сопровождается навешиванием ярлыков, по большей части негативных («у него тяжёлый характер», «она вредная», и т. п.). Если же помнить о том, что характер — это диалогический феномен, станет ясно, что все оценки окружающих нас людей обусловлены особенностями нашего восприятия.

Но главная проблема понятия «характер» заключается в другом. Оно подменяет

жизнь нашего «я», все его переживания набором абстрактных определений («добрый», «честный», «смелый», «ленивый», «склонный к меланхолии» и т. д.), в которых уже не ощутить ни боли, ни радости того человека, которого они якобы описывают. В результате вместо живой души мы имеем перед собой её анатомический атлас.

Кроме того, с помощью таких определений далеко не всегда можно предсказать поведение человека в той или иной ситуации. «Щедрый» может пожертвовать крупную сумму на благотворительные цели, но не подать милостыню, так как считает это неправильным. «Ленивый» может упорно работать над проектом, который ему интересен. «Смелый» может быть таковым не всегда, и т. д. Интонационное же лицо создаётся нашим сознанием из моментальных образов, запечатлевающих человека именно в конкретных ситуациях, и потому на его основе можно понять другого и предсказать его поступки с гораздо большей точностью.

Впрочем, разумеется, не может быть и речи о том, чтобы отказаться от представления о характере. У этого устоявшегося понятия есть свои очевидные преимущества, перечислять которые не имеет смысла — они хорошо известны. Однако понимание другого начинается отнюдь не с определения присущих ему «черт характера» или «душевных качеств» — это как раз едва ли не самая поздняя стадия постижения другого, стадия логико-понятийного осмысления. Ей предшествуют стадии непосредственного чувственного восприятия и синтеза чувственных восприятий, до сих пор остающиеся, к сожалению, малоизученными. Основными целями данной работы были феноменологическое описание этих стадий, чёткая фиксация их продуктов и присвоение последним конкретных наименований («моментальный образ» и «интонационное лицо»), так как то, что не названо, как бы «не существует» для исследования. Насколько это удалось — судить другим (тем самым *другим*, о понимании которых идёт речь), но ясно одно: образно-интонационная составляющая нашего взаимодействия друг с другом требует существенно более пристального внимания, чем то, что уделяется ей сейчас.

1. Бахтин, М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — Т. 1. — М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2003. — 958 с.

2. Бибихин, В. В. Мир / В. В. Бибихин. — Томск: Водолей, 1995. — 144 с.

3. Биркенбил, В. Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. — СПб.: Питер Пресс, 1997. — 224 с.

4. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. — М.: Республика, 1995. — 464 с.

5. Гуссерль, Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии) / Э. Гуссерль // Логос. — 1991. — № 1. — С. 12—21.

6. Зенкин, С. Н. Небожественное сакральное: теория и художественная практика / С. Н. Зенкин. — М.: РГГУ, 2012. — 537 с.

7. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.

8. Мерло-Понти, М. Кино и новая психология / М. Мерло-Понти // Psychology.ru. Психология на русском языке. — URL: <https://www.psychology.ru/library/00038.shtml> (дата обращения: 08.07.2023).

9. Шелер, М. О сущности философии / М. Шелер. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. — 352 с.

10. Шелер, М. Сущность и формы симпатии / М. Шелер // Horizon: Феноменологические исследования. — 2017. — № 6 (2). — С. 303—319.

References

1. Bahtin M. M. (2003) *Sobranie sochinenij [Collection of Works]*. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo «Russkie slovari», YAzyki slavyanskoj kul'tury, 958 p. [in Rus].

2. Bibihin V.V. (1995) *Mir [Peace]*. Tomsk, Vodolej, 144 p. [in Rus].

3. Birkenbihl V. (1997) *YAzyk intonacii, mimiiki, zhestov [Language of intonation, facial expressions, gestures]*. Saint Petersburg, Piter Press, 224 p. [in Rus].

4. Buber M. (1995) *Dva obraza very [Two types of faith]*. Moscow, Respublika, 464 p. [in Rus].

5. Husserl E. (1991) *Fenomenologiya (stat'ya v Britanskoj enciklopedii) [Phenomenology (Encyclopedia Britannica article)]*. *Logos*, no. 1, pp. 12-21 [in Rus].

6. Zenkin S.N. (2012) *Nebozhestvennoe sakral'noe: Teoriya i hudozhestvennaya praktika [The Non-divine Sacred: Theory and Artistic Practice]*. Moscow, RGGU, 537 p. [in Rus].

7. Krejdlin G.E. (2002) *Neverbal'naya semiotika: YAzyk tela i estestvennyj yazyk [Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 592 p. [in Rus].

8. Merleau-Ponty M. *Kino i novaya psihologiya [Cinema and the New Psychology] / Psychology.ru. Psihologiya na russkom*

yazyke, available at: <https://www.psychology.ru/library/00038.shtml> (accessed 08.07.2023) [in Rus].

9. Scheler M. (2020) O sushchnosti filosofii [On the essence of philosophy]. Moscow, Saint

Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ, 352 p. [in Rus].

10. Scheler M. (2017) Sushchnost' i formy simpatii [Essence and forms of sympathy]. Horizon: Fenomenologicheskie issledovaniya, no. 6 (2), pp. 303-319 [in Rus].

Статья поступила в редакцию 31.07.2023

For citing: Filatov, I. K. Intonation and image as the basis for understanding another person: a phenomenological analysis of the experience of communication / I. K. Filatov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 3 (97). — P. 40—51. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-40-51. — EDN PSOTNM

UDC 140.8

EDN PSOTNM

DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-40-51

INTONATION AND IMAGE AS THE BASIS FOR UNDERSTANDING ANOTHER PERSON: A PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF COMMUNICATION

Ilya K. Filatov,

Chelyabinsk regional branch
of the Russian Union of Writers,
Writer,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: iliyafilatov3@mail.ru

Abstract. The article is focused on the problem of understanding another person. First of all, the author considers understanding on the basis of external signs. In this case, two groups of features are distinguished in the appearance of a person — constitutive, or static, and expressive, or dynamic. The author introduces the concept of a snapshot

image of a person. Then the understanding of the other through his speech is investigated. At the same time, all utterances are divided into self-disclosing and subject-oriented ones. The author substantiates position of the leading role of intonation in revealing the inner world. The identity of its role in creating the interlocutor's speech image and the role of external expressive features in creating the visual image is revealed. On the basis of this, the author introduces the concept of bodily intonation. Then the understanding of the other through his or her actions is considered and the concept of intonation of an action is introduced. Finally, the author introduces the concept of intonation face as a unified image of the other person arising in our consciousness as a result of the superposition of separate momentary images. The notion of sensitivity structure is also introduced. It is emphasized that the intonation face is not an "objective" but a dialogical phenomenon, representing the result of interaction between the sensitivity structure of the perceived person (manifested in his/her appearance, speech, and actions) and the sensitivity structure of the perceiver.

Keywords:
phenomenology,
dialogue,
other,
momentary image,
bodily intonation,
intonation of action,
sensitivity structure,
intonation face